

Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты : науч. моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018.

Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.

Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы / отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М.: Ин-т экономики, 2009.

Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. Учреждения по руководству переселением в СССР.

Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада : моногр.; 2-е изд. М.; Берлин: Директ-медиа, 2017.

Рыбина З. В. Роль общественно-экономических укладов в формировании социальной структуры общества // Дискуссия. 2015. № 3. С. 39–44.

Семенов Ю. И. Первобитная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства : сб. ст. / отв. ред. А. И. Першиц. М.: Наука, 1976. С. 7–86.

Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / пер. с англ. О. Леонтьевой; предисловие П. Верга; 2-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2017.

Советские по трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган // Революция и национальность. 1936. № 2. С. 70–71.

Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М.: АИРО-XXI, 2013.

Троцук И. В. Уклады разные нужны, уклады разные важны // Вестн. Ин-та экономики Рос. акад. наук. 2010. № 2. С. 510–514.

УДК 94(470.54-25).084:378

К. Д. Бугров

ДВА ВУЗА В ОДНОМ: ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1940–1950-е гг.)¹

В статье предпринят обзорный анализ развития научных исследований в Уральском государственном университете в период становления вуза – 1940–1950-е гг. Автор прослеживает основные траектории развития научных исследований в университете, выделяя на основании генезиса

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ и Правительства Свердловской области № 20-49-660015 «Екатеринбург–Свердловск как интеллектуальный центр России в эпоху промышленного модерна: вехи становления (конец XIX – конец XX вв.)».

исследовательских направлений «старый университет» (физико-математический и химический факультеты) и «новый университет» (историко-филологический, биологический, географический факультеты, кафедры философии и политэкономии). Научные направления «старого университета» были унаследованы от исследовательских коллективов 1920-х гг. либо функционировали в тесной связи с научными организациями (например, Институтом физики металлов Уральского филиала АН СССР) или крупнейшим вузом города, Уральским политехническим институтом. Исследовательские коллективы «нового университета» формировались с нуля в условиях чрезвычайного дефицита ресурсов 1940-х гг. Научная работа, в частности, защита диссертаций здесь осуществлялась с низкой интенсивностью, сохранялась высокая текучесть кадров. Дополнительным фактором нестабильности стали идеологические кампании в науке на рубеже 1940–1950-х гг. Руководство УрГУ во главе с крупным ученым Г. И. Чуфаровым попыталось возглавить эти кампании, надеясь благодаря наличию крупных кафедр общественных наук закрепить за собой позиции научного арбитража. Однако подобная стратегия лишь нанесла кадровый ущерб самому УрГУ, биологический и историко-филологический факультеты которого оказались в 1948–1956 гг. поражены непрерывными склоками и конфликтами, и не позволила компенсировать научно-организационную слабость университета. Лишь к концу 1950-х гг. завершение эпохи идеологических кампаний и стабилизация структуры самого университета, частично связанная с реформами высшей школы, открыли период укрепления научного потенциала «нового университета».

Ключевые слова: Уральский университет, высшая школа, Екатеринбург, история науки.

Современные исследователи, занимающиеся историей развития уральской науки, подчеркивают значимость периода 1940-х – начала 1950-х гг. для превращения Уральского государственного университета (УрГУ) в один из ведущих научно-образовательных центров СССР. Так, Л. Н. Мазур, анализируя историческую траекторию развития УрГУ, подчеркивает значимость послевоенного периода в развитии вуза:

«В развитии университета произошел качественный скачок, вызванный совокупностью внутренних и внешних факторов, среди которых следует ответить зрелость научно-педагогического состава университета, готового ответить на вызовы времени, обусловленные научно-технической революцией» [Мазур, 2020, с. 746].

Равным образом и А. И. Сперанский подчеркивает, что университет вышел из горнила военных испытаний окрепшим [Сперанский, 2015, с. 91]. С этими утверждениями следует согласиться. Однако важно заметить, что процесс этого качественного укрепления, приведше-

го к складыванию в 1960-е гг. в Уральском госуниверситете мощного научно-исследовательского центра, был сложным и неравномерным.

Уральский университет был основан в 1920 г. на базе Горного института, в 1925 г. переименован в Уральский политехнический институт, а в 1930 г. раздроблен на шесть отраслевых учебных заведений. В 1934 г. на основе нескольких частей бывшего Уралуниверситета – УПИ был организован Свердловский государственный университет в составе физико-математического, химического и геологического факультетов. Становление этого «нового старого» вуза было чрезвычайно трудным: руководители университета постоянно менялись, материальная база была абсолютно недостаточной для полноценной работы. Стараниями ректора З. Ф. Торбаковой, управлявшей вузом в 1935–1937 гг., удалось достроить учебное здание и общежитие. Но уже в 1937–1938 гг. страну захлестнула волна массовых репрессий, ставшая тяжелым ударом для университета. Структура вуза продолжала меняться: в 1938 г. геологический факультет был переведен в Пермь, зато было решено создать исторический и филологический факультеты.

В 1940–1941 г. в университете планировалось выполнять 55 научных работ [ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 77, л. 25 об. – 32]. Научно-исследовательский профиль вуза частично определялся унаследованными от коллективов 1920-х гг. трендами и тенденциями. Так, работы химика Е. И. Крылова в области извлечения редких металлов из вишневогорских цирконовых руд следовали в русле изысканий, начатых в 1920-х гг. металлургом и химиком Н. Н. Барабошкиным. Крылов оперативно отреагировал на «цирконовый бум», начавшийся в 1938 г.:

«Уральские цирконы с Вишневых гор отличаются большим содержанием гафния... В течение 1939 года была собрана литература, были приобретены необходимые минералы по специальному заказу университета. Сделаны анализы и намечены методы разделения гафния и циркония» [Там же, л. 30].

На кафедре астрономии изучением Луны занимался А. А. Яковкин, трудившийся в университете с 1937 г.; хотя сама эта тематика была для Свердловска новой: астрономические изыскания в университете восходили к 1920-м гг., когда при УПИ усилиями С. В. Муратова была организована обсерватория. Кроме того, выделялись изыскания на кафедре математики и механики, где работы вели И. Г. Малкин, В. А. Федоров, П. Г. Конторович [Там же, л. 27]. П. Г. Конторович работал в Свердловске с 1930 г., однако вплоть до 1941 г. основным местом его работы был Уральский индустриальный институт (УИИ), а не госуниверситет. И. Г. Малкин, прибывший в 1938 г. для руковод-

ства кафедрой госуниверситета из Казанского авиационного института, также одновременно преподавал в УИИ. На протяжении 1930-х гг. в Свердловске сложился своего рода распределенный центр математической науки и образования, лидеры которого, как правило, работали сразу в нескольких местах. Равным образом и А. П. Комар, выдающийся специалист в области физики металлов, был частью коллектива специалистов, переброшенных из Ленинграда в Свердловск в 1930-х гг. при создании Уральского физико-технического института (УралФТИ); в университете он преподавал по совместительству с 1937 г.

Многие научные направления Свердловского госуниверситета образца 1940 г. были вовсе не связаны с фундаментом, заложенным в 1920-х гг., и не подпитывались ресурсами смежных организаций, будь то институты УФАН или Уральский индустриальный институт. Химик Н. П. Страхов, выпускник Московского университета, прибывший в Свердловск в 1930 г. [Страхова, 2018], изучал историю химической науки (начиная с античных и средневековых времен). Труды выпускника Томского государственного университета Н. Ф. Отпущенникова, работавшего в Свердловском университете с 1938 г., были связаны с акустическим контролем качества металлических изделий. Приехавший в Свердловск в 1938 г. химик В. И. Есафов, выпускник Саратовского университета, разрабатывал вопросы стереохимии и синтеза непредельных веществ [Вшивков, 2002, с. 179–180]. Это направление было новым шагом для свердловской органической химии, главными направлениями которой были лесо- и углехимия. Видную роль в научных изысканиях Свердловского университета играли физики Д. Д. Иваненко и А. А. Соколов, специализировавшиеся в области физики элементарных частиц, и Н. М. Шарапов, специалист в области теории света. В целом математическое, физическое и химическое направления, доминировавшие в научной жизни Свердловского университета, можно считать «старым университетом».

В 1939–1940 гг. рядом с этими направлениями быстро формировался «новый университет», практически ничего не унаследовавший от 1920-х гг. Комплектование и исторического, и филологического направлений осуществлялось главным образом за счет направляемых в Свердловск выпускников центральных вузов. Так, в 1938–1940 г. в Свердловский госуниверситет были направлены историки Н. И. Шатагин, Н. А. Бортник, Х. Г. Шуляковский, Н. Х. Юдикис и Ф. И. Сурин [Черноухов, 2009, с. 213–215]. Из Уральского индустриального института в госуниверситет перешел А. И. Виноградов, знаток античной истории, латинского и греческого языков. В становлении филологического направления ключевую роль сыграл энергичный

И. А. Дергачев, выпускник Пермского педагогического института, с 1931 г. работавший в Свердловске. В 1940 г. в Свердловск прибыли на работу лингвисты П. А. Вовчок, А. Л. Вознесенский, П. А. Шуйский, В. Д. Миронов [Блажес, 2000, с. 6, 11]. Гуманитарный блок, сформировавшийся в Свердловском университете, был усилен поглощенным в 1941 г. Государственным институтом журналистики. В 1943 г. был воссоздан геологический факультет, в 1944 г. открыт биологический факультет, в 1945 г. – географический факультет. 22 февраля 1945 г. правительство СССР переименовало Свердловский госуниверситет в Уральский, закрепило за ним ряд зданий, что усилило материальную базу университета.

Ректор УрГУ И. Д. Седлецкий декларировал амбициозный план превращения университета в «мощный учебный комбинат», который предусматривал организацию философского, юридического, горного, экономического факультетов, целой сети НИИ, собственных заповедника и обсерватории [Седлецкий, 1945]. Этот план воплощен в жизнь не был, однако он указывает на общее укрепление позиций УрГУ. В 1946–1956 гг. УрГУ руководил Г. И. Чуфаров, выпускник УПИ 1920-х гг., крупнейший химик-металлург, ранее возглавлявший Институт химии и металлургии УФАН. Для госуниверситета, привыкшего к «чехарде» на ректорской позиции, подобная длительность пребывания на руководящей позиции была поистине рекордной. Тенденция к расширению УрГУ при Чуфарове сохранялась: в 1947 г. в составе историко-филологического факультета было образовано третье отделение – логики и психологии [Черноухов, 2010, с. 49].

Каким же был научно-исследовательский облик университета в 1950 г.? УрГУ выполнял 101 научную тему, что позволяет говорить, пусть и в грубых категориях, об удвоении объемов научной работы по сравнению с 1940 г. Однако структура этой работы существенно изменилась. На физико-математическом факультете теперь доминировали математики: к работавшим еще с довоенного времени И. Г. Малкину и П. Г. Конторовичу добавились такие яркие специалисты, как С. Н. Черников (правда, в 1951 г. он перешел на работу в Пермь) и В. К. Иванов. Так сформировались три ключевые научные направления математико-механической части УрГУ – теория дифференциальных уравнений, алгебраические системы и теория некорректных задач. В физической части властвовали совместители – ученые из Института физики металлов УФАН. В основном это были представители блестящей плеяды ленинградских специалистов, прибывшие на Урал в 1930-х гг. – С. В. Вонсовский, М. Н. Михеев, Я. Ш. Шур, Р. И. Янус, В. И. Архаров [ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 203, л. 61–63]. Профильной тематикой для этих специалистов были магнетизм и металловедение.

ние. Конечно, магнитно-металловедческий тренд наметился еще до Великой Отечественной войны (с 1937 г. в госуниверситете работал А. П. Комар, еще один выдающийся металлвед, прибывший на Урал из Ленинграда; в 1947 г. он покинул Свердловск). Теперь же представители Института физики металлов УФАН не только доминировали в структуре научных исследований, но и занимали ведущие позиции практически на всех кафедрах УрГУ. Так, С. В. Вонсовский руководил кафедрой теоретической физики, В. И. Архаров – кафедрой физики твердого тела, М. Н. Михеев, Я. С. Шур и Р. И. Янус работали на кафедре экспериментальной физики и фактически определяли ее научный облик (заведовал ей кандидат физико-математических наук В. В. Парфенов, впрочем, тоже специалист в области магнетизма). Вклад этих ученых в развитие УрГУ был колоссальным; однако в 1940–1950-х гг. физическая специальность в университете как бы находилась в тени Института физики металлов УФАН, играя скорее учебную, чем исследовательскую роль.

Едиственным физическим направлением факультета, выбивавшемся из этого магнитно-металловедческого тренда, была тема К. А. Бархатовой, продолжавшей астрономические изыскания (А. А. Яковкин в 1945 г. покинул Урал). А ведь и эта исследовательская традиция могла прерваться: с 1943 г. Бархатова училась в аспирантуре в Московском университете, где ее приглашали остаться работать у крупнейшего астронома П. П. Паренаго. Ректору Седлецкому пришлось пойти на отчаянный шаг, пригрозив своей отставкой, если Бархатова переедет в Москву [Давыдов, 1985, с. 45]. Н. Ф. Отпущенников, игравший важную роль в жизни вуза второй половины 1930-х гг. в том числе благодаря прочным связям с производством, с 1945 г. начал работать в Курске. Н. М. Шарапов, талантливый специалист в области теории света, умер в 1943 г. В том же году уехал в Москву Д. Д. Иваненко, возглавивший кафедру теоретической физики Московского университета². Его ученик Г. В. Скроцкий, учившийся в аспирантуре университета в конце 1930-х гг. и одновременно тесно взаимодействовавший с другим видным физиком, И. К. Кикоиным из УИИ, с 1943 г. работал на кафедре общей физики. Однако в 1953 г. Скроцкий был уволен (об этом речь ниже) и возглавил кафедру теоретической физики УПИ, ставшую при его участии одним из ключевых центров наукоемкого приборостроения в городе.

По-другому складывалась судьба химического факультета. Здесь сохранялась старейшая электрохимическая специальность. Хотя ведущий электрохимик О. А. Есин в 1943 г. перешел в УИИ, данную

² Соавтор и коллега Иваненко, физик А. А. Соколов, очевидно, покинул УрГУ еще раньше; позднее они воссоединятся в МГУ.

тематику со второй половины 1940-х гг. развивал В. А. Кузнецов, выпускник Ленинградского химико-технологического института и ученик академика А. Н. Фрумкина³, а также выпускник Свердловского госуниверситета В. П. Кочергин, специализировавшийся в области коррозионной устойчивости [ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2., д. 203, л. 67]. Как мы видели выше, еще в предвоенные годы Свердловский госуниверситет приступил к изучению органической химии; в конце 1940-х гг. работы по непредельным соединениям вели в УрГУ В. И. Есафов и Л. Н. Голдырев, ученик знаменитого И. Я. Постовского, в 1945 г. пришедший на работу в университет. Однако облик химико-органического блока в УрГУ был изменен благодаря эвакуации, фактически с нуля создавшей в Свердловске комплекс химической индустрии [Бугров, 2021]. С 1941 г. на Свердловском заводе резино-технических изделий работала А. А. Тагер – выпускница Московского физико-химического института, ученица химика В. А. Каргина, специализировавшаяся в области физико-химии полимеров. Ее приход в УрГУ в 1948 г. стал переломным моментом в освоении вузом новой полимерной тематики [Вшивков, Суворова, 2005, с. 82]. Уже в 1950 г. Тагер руководила двумя научными темами. Она организовала обширное сотрудничество с промышленными предприятиями [ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2., д. 203, л. 66]. В последующие десятилетия она будет оставаться одной из наиболее авторитетных ученых УрГУ. Кроме того, на кафедре неорганической химии, которую в 1947 г. возглавил выпускник Уральского индустриального института, специалист в области сернокислотного производства Г. Д. Пащевский, быстро развивалось новое направление – изучение способов обезвреживания и регенерации отходов металлургического производства [Там же, л. 67–68]. Зато были свернуты изыскания по истории химии, которые организовывал Н. П. Страхов (с 1943 г. он перешел в Свердловский медицинский институт), изыскания по редким металлам, которые вел Е. И. Крылов (с 1949 г. он работал на физико-техническом факультете УПИ), а также работы по коллоидной химии, до войны проводившиеся под руководством С. Г. Мокрушина (этот крупный ученый теперь целиком сосредоточился на работе в УПИ).

Если «старый университет» терял кадры, то «новый», напротив, притягивал их. Так, кадровый состав биологического факультета был в основном сформирован в 1944–1948 гг. Среди ученых, руководивших научными темами в 1950 г., физиологи Г. В. Заблуда и В. И. Патрушев работали на факультете с самого начала (с 1944 г.), лесовод Н. А. Коновалов – с 1946 г., специалист по промышленной ботанике

³ Ведущие свердловские электрохимики – О. А. Есин, С. В. Карпачев и другие – поддерживали прекрасные отношения с влиятельным А. Н. Фрумкиным еще с 1920-х гг.

В. В. Тарчевский и зоолог М. Я. Марвин – с 1948 г. На небольшом географическом факультете научная работа целиком концентрировалась вокруг двух ученых – руководителей кафедр: В. А. Танаевского и О. Н. Андриющенко [Там же, л. 77]. Танаевский был одним из создателей советской экономической географии, крупнейшим специалистом по экономическому районированию, ранее плодотворно работал в Кировском и Сталинабадском педагогических институтах; кафедру в УрГУ он возглавлял в 1947–1955 гг. Почвовед Андриющенко прибыл в УрГУ в 1947 г. из Кировского педагогического института, в 1956 г. переехал в Минск, возглавив геолого-географический факультет Белорусского госуниверситета. Противоречивой была позиция геологического факультета. По своей организационной траектории он был частью «нового университета», амбициозной программы расширения и привлечения специалистов извне, реализовывавшейся в 1940-х гг. Однако в научно-исследовательском плане он целиком относился к «старому университету», поскольку его ведущие ученые – А. К. Гладковский, Д. Д. Дегтярев, П. В. Покровский и другие [Там же, л. 71–72] – представляли исследовательские школы, сложившиеся еще в 1920-е гг. в едином Уралуниверситете и функционировавшие либо в Свердловском горном институте, либо на переданном в Пермь геофаке Свердловского госуниверситета.

В социально-гуманитарном блоке многие специалисты, такие как фольклорист М. Г. Китайник, лингвисты П. А. Вовчок, И. А. Шуйский и А. Л. Вознесенский, историки Н. А. Бортник и Ф. И. Сурин – работали в университете с довоенного времени; философ Л. Н. Коган и историк В. В. Адамов окончили госуниверситет в 1940-е гг., став первым поколением выпускников, занявшихся гуманитарной наукой в своей alma mater. Но многие преподаватели, определявшие облик гуманитарной науки в УрГУ около 1950 г., прибыли в университет из других городов в годы Великой Отечественной войны или вскоре после нее. Так, М. А. Горловский был по образованию работником прокуратуры, выпускником Ленинградского юридического института (1937), с 1942 г. работавшим в госуниверситете и в 1945–1960 гг. возглавлявшим кафедру истории народов СССР. В. М. Готлобер, выпускник Московского института народного хозяйства, работал в УрГУ с 1946 г.; тогда же к работе в университете приступил и археолог К. В. Сальников, выпускник Московского университета, ранее работавший в Оренбурге и Челябинске. С 1947 г. на кафедре логики начал работать Г. А. Курсанов, по первому образованию – инженер-строитель из Московского института инженеров транспорта (1936), занявшийся с 1939 г. изучением теории познания. В 1949 г. в УрГУ начали преподавать литературоведы Н. Н. Арденс, А. М. Куканов, супруги

Г. Е. и А. Д. Тамарченко; их переезд в Свердловск был связан с кампанией против космополитов⁴. В том же 1949 г. в Свердловск прибыл «разжалованный» философ М. Т. Иовчук, влиятельный специалист, ранее работавший в Москве и Минске.

Развитие университета сдерживалось весьма скромными ресурсными возможностями. Суммарный объем госбюджетного финансирования научной работы в УрГУ составлял в 1950 г. 115 тыс. руб. и был, как констатировало университетское руководство, «совершенно недостаточным»:

«В 1950 году университет имел возможность освоить хозяйственных работ на сумму до 1 млн рублей, т. е. почти в 10 раз больше, чем выделено по госбюджету. Однако главное управление университетов ограничило объем хозяйственных работ лимитом по спецсредствам в сумме 165 тысяч рублей⁵. В результате указанных мероприятий со стороны главка некоторые ученые университета значительно замедлили научную работу... Необходимо на научно-исследовательские работы на 1951 год выделить Уральскому университету 1 млн рублей лимитов по спецсредствам для выполнения хозяйственных научных работ и 600 тысяч рублей по госбюджету» [Там же, л. 17].

При этом всего в УрГУ работало 176 преподавателей, и если в исполнение госбюджетных тем были вовлечены практически все они, то хозрасчетной работой занимались только 24 сотрудника [Там же, л. 30]. Неудивительно, что бичом «нового университета» оставалась невысокая интенсивность научной работы. Знаток древних языков А. И. Виноградов, работавший в УрГУ с 1940 по 1951 г. и внесший вклад в становление исторического и филологического образования в УрГУ, не только не защитил диссертацию кандидата наук, год за годом фигурировавшую в научных отчетах 1940-х гг., но и не публиковал никаких научных работ. В 1955 г. университетское начальство критиковало видных работников, заведующих кафедрами, таких как Б. С. Коган, А. Н. Шемякин и особенно П. А. Вовчок:

«За 15 лет доцент П. А. Вовчок не опубликовал в печати ни одной научной работы (кроме небольшой критической заметки в 1953 году). С 1945 по 1954 год доцент П. А. Вовчок работал над плановой темой “Речевой стиль И. В. Сталина”, по которой не сдал в научный отдел ни одного отчета. В конце 1954 года доцент П. А. Вовчок объявил эту тему неактуальной и, начиная с 1955 года, избрал новую тему “Категория па-

⁴ Чета Тамарченко покинула Черновицкий университет, спасаясь от идеологического прессинга, и переехала в Ленинград, но, не найдя работу (Ленинград оказался в эпицентре кампании), переехала в Свердловск.

⁵ Фактически, однако, УрГУ показал выполнение по хозяйственным в размере 334 тыс. рублей (прим. автора).

дежа в современном русском языке”, по которой за 1955 год также ничего не представил» [Там же, д. 232, л. 72].

Разумеется, все это не отменяло вклада, который такие преподаватели как Виноградов или Вовчок, заслуженно любимые студентами тех лет, вносили в развитие УрГУ. Однако слабая научная активность, чем бы она ни объяснялась, блокировала формирование собственных научных школ и воспроизводства кадров. Между тем, в 1950 г. из 33 аспирантов к социально-гуманитарному блоку относились 22 [ГАСО, ф. Р-2110, д. 203, л. 18].

Негативные явления были усилены идеологическими кампаниями рубежа 1940–1950-х гг., которые в максимальной степени затронули именно «новый университет». Определенную роль сыграло и активное участие в этих кампаниях ректора УрГУ Г. И. Чуфарова. Насколько можно судить, он полагал, что подобная активность, опирающаяся на крупнейший в городе центр общественных наук, позволит укрепить позиции университета как наиболее авторитетного научного центра в Свердловске.

В области биологических наук гонения обрушились в основном на В. И. Патрушева и его учеников, которых обвинили в «морганизме». В сентябре 1948 г. Патрушева уволили из университета. Руководитель биологического факультета Г. В. Заблуда оказался вынужден критиковать Патрушева, однако в целом держался мужественно:

«Вы говорите: “Вы должны заклеить свое прошлое”. Я очень рад, что у меня такое прошлое. У меня прошлое в науке то, которое должно быть» [Колосова, 2008, с. 109].

Кампания прервала научный путь нескольких учеников Патрушева, обучавшихся в аспирантуре Института биологии УФАН, и в целом навредила биологической науке и образованию в Свердловске [Там же, с. 114–115]. Однако уже в 1949 г. Патрушев вернулся в УрГУ и возглавил кафедру физиологии растений и животных, а его ученик С. С. Шварц, также пострадавший от кампании, в 1955 г. стал руководителем Института экологии растений и животных УрО РАН. Тем не менее, атаки на Патрушева, осуществлявшиеся преподавателями общественных наук, главным образом, философами, продолжались до конца 1954 г.

Еще драматичнее складывались события на историко-филологическом факультете, где конфликт затянулся, завершившись в 1956 г. беспрецедентным скандалом. Борьба с «космополитами» началась в 1949–1950 гг. Тогда из университета были уволены филологи Н. Н. Арденс и Б. Ф. Закс, историки К. Б. Гадашевич, С. Г. Лившиц,

Н. А. Финкельштейн. Впрочем, процесс был обоюдоострым. Так, декан историко-филологического факультета Н. М. Катериночкин, преподаватель педагогики, в 1944 г. пришедший в госуниверситет из педагогического института, был одним из самых активных участников всех кампаний, но чрезмерная агрессивность руководителя спровоцировала всеобщее недовольство, и летом 1950 г. сам Катериночкин был уволен из университета [Черноухов, 2010, с. 89–90]. А в 1956 г. последовала новая волна увольнений – коллектив кафедры русской литературы (М. Г. Китайник, супруги Г. Е. и А. В. Тамарченко, А. М. Куканов) вступил в конфликт с новым деканом, историком И. Н. Чемпаловым; большая часть членов этого коллектива была уволена [Черноухов, 2010, с. 163–167].

Попытки руководства УрГУ утвердиться в качестве арбитров идеологических кампаний рубежа 1940–1950-х гг. не давали эффекта, принося лишь ущерб кадровому составу вуза. Единственная крупная попытка идеологической экспансии за пределы госуниверситета, предпринятая в 1950 г., окончилась поражением. В этом году Г. И. Чуфаров при деятельной поддержке В. И. Есафова атаковал школу химиков-органиков УПИ в лице И. Я. Постовского и З. В. Пушкаревой, обвиняя их в «махизме». Однако руководство УПИ во главе с ректором А. С. Качко горой встало за своих специалистов, мобилизовало обширные связи с промышленностью, и уже к концу 1950 г. атака на Постовского полностью выдохлась. Вместо того, чтобы нанести ущерб политехническому институту, УрГУ нанес ущерб сам себе: отзвуком этой кампании стало увольнение из университета весной 1953 г. физика Г. В. Скроцкого, отказавшегося принимать участие в нападках на Постовского и Пушкареву, с характерной для эры кампаний формулировкой «за отсутствием поручений» [Кокин, Пушкина]. О том, каков на самом деле был потенциал талантливого ученого, которому в госуниверситете «не нашлось» поручений, говорит тот факт, что уже в июне 1953 г. декан физтеха УПИ Е. И. Крылов пригласил Скроцкого возглавить кафедру теоретической физики, которой тот и руководил вплоть до 1964 г., превратив ее в крупнейший центр наукоемкого приборостроения с обширным хоздоговорным финансированием. Позднее Скроцкий заведовал кафедрой квантовой электроники Московского физико-технического института.

Часть вновь созданных факультетов «нового университета» оказалась у университета попросту изъята. В 1955 г. географический факультет был передан в состав Пермского университета. А в 1957 г. был ликвидирован геологический факультет УрГУ:

«Главной причиной послужила позиция руководителей факультета, считавших, что стране нужны не геологи-геохимики или геологи-минералоги, а инженеры-геологи, и добившихся того, что геофак Университета стал выпускать дипломированных инженеров-геологов. Так продолжалось несколько лет, затем последовала реакция “сверху” – зачем в одном городе нужны два вуза: Свердловский горный и университет, готовящих специалистов одного профиля?» [Покровский, Грабежев, 2012, с. 102].

* * *

К 1950-м гг. внутри УрГУ существовало как бы два вуза – «старый» и «новый». «Старый университет» – физическое, химическое и математическое направления – развивался в кооперации с сектором промышленности, отраслевыми и академическими институтами, Уральским индустриальным институтом. Испытание временем выдержали фундаментальные направления подготовки, сложившиеся в период 1920–1930-х гг. – электрохимия, физика твердого тела и магнетизма, теория дифференциальных уравнений, теория некорректных задач, алгебраические системы, химия неопределенных веществ. Важным исключением стала новая специализация в области физикохимии полимеров, сформированная усилиями А. А. Тагер и обязанная своим существованием эвакуации. По-другому в 1940–1950-х гг. складывалась история «нового университета». Именно здесь наблюдался наиболее острый дефицит кадров и именно по нему ударили идеологические кампании 1940–1950-х гг. В целом, идеологические кампании рубежа 1940–1950-х гг. и попытки ректора Чуфарова занять в них ведущую роль не укрепили позиции УрГУ, напротив, нанесли университету ущерб. Гонения рубежа 1940–1950-х гг. парадоксальным образом обеспечивали приток кадров в УрГУ, поскольку в Свердловске пытались найти себе место ученые из городов западной части СССР, подвергшиеся идеологическому давлению, такие как супруги Тамарченко, либо «разжалованные» из высших рядов научно-бюрократической иерархии, как М. Т. Иовчук. Но в целом идеологическая склока усиливала первопричину кадровой «чехарды» – дефицит ресурсов и мучительную неспособность гуманитарных кафедр оперативно подготовить собственных специалистов. Ставка на идеологически-воспитательную работу вместо планомерного укрепления научно-организационного потенциала не дала результата.

На этом фоне значимость социально-гуманитарного блока начала падать. Уже к 1955 г. соотношение численности аспирантов изменилось: из 50 человек 23 специализировались по физике, химии и математике, 9 – по геологии и биологии, 18 – по социально-гуманитарным наукам; в течение года состоялось 16 защит диссертаций [ГАСО,

ф. Р-2110, оп. 2, д. 232, л. 60–61]. При этом объемы финансирования по госбюджету выросли втрое, до 320 тыс. руб. (фактически было освоено 217 тыс. руб.), а вот лимиты на хоздоговорное финансирование так и остались на уровне 1950 г., составив 112 тыс. руб. (всю эту сумму покрыл Верх-Исетский металлургический завод, заключивший с УрГУ договор на внедрение нового метода использования травильных растворов, работами руководил Г. Д. Пашевский)⁶.

К концу 1950-х гг. период острой нестабильности был в целом преодолен. Важную роль в нормализации ситуации сыграла развернувшаяся с 1958 г. реформа высшей школы, предполагавшая выделение для ее развития больших ресурсов, демократизацию, укрепление научной роли [Мазур, с. 747]. Численность студентов в Свердловской области с 1951 по 1961 г. выросла вдвое [Гузненко, 2015, с. 55]. Разумеется, УрГУ оказался в центре этого процесса. В самом УрГУ бенефициарами преобразований оказались те коллективы, которые смогли пережить трудный период рубежа 1940–1950-х гг. Новые факультеты УрГУ в 1960-х гг. будут формироваться уже не с нуля, а путем развития имеющихся в вузе коллективов – именно так, на базе отдельных кафедр, были созданы экономический (1961) и философский (1965) факультеты. Остается лишь гадать, насколько изменилась бы судьба университета, если бы, например, Д. Д. Иваненко не уехал в Москву, если бы географический факультет продержался бы в составе УрГУ до начала периода стабильности и если бы коллектив кафедры русской литературы не был рассеян скандалом 1956 г.

Впрочем, развитие «нового университета» пошло по неожиданной траектории – уже в 1967 г. экономический факультет В. М. Готлобера выделился из состава УрГУ, «прихватив» с собой старейшее здание госуниверситета (ул. 8 Марта, 62). На его основе был образован новый Свердловский институт народного хозяйства (СИНХ). Формирование в 1967 г. при УрГУ крупного Института повышения квалификации преподавателей гуманитарных наук (ИПК) стимулировало опасения дальнейшей дезинтеграции. Университетская газета в 1969 г. невесело шутила:

«В системе Тау Кита, известной успехами в области почкования, состоялась научная конференция, на которой с удовлетворением отмечены достижения УрГУ. Как известно, не так давно от него отпочковался

⁶ Для сравнения: крупнейший вуз региона, УПИ, имел в 1955 г. 743 тыс. руб. ассигнованного госбюджетного финансирования и лимит на хоздоговорные работы в объеме 3 075 тыс. руб. [ГАСО, ф. Р-227, д. 498, л. 10]. Таким образом, в финансовом выражении объем научных работ в УПИ превышал аналогичный объем в УрГУ почти в девять раз. Реальный перевес мог быть еще более значительным, так как научный отчет УПИ не учитывал объемы финансирования по «закрытым» тематикам на физико-техническом и радиотехническом факультетах.

СИНХ, вот-вот отпочкуется ИПК со своим полуэтажом. Чтобы достичь тау-китянского уровня, остается отпочковать естественные и гуманитарные факультеты. Тогда университету останется... вестибюль» [Бугров, Сафронов, 2020, с. 113].

Однако подобной дезинтеграции не произошло, и УрГУ «на волне оттепели и научно-технической революции быстро эволюционировал в научно-образовательный центр союзного масштаба» [Мазур, 2020, с. 748]. А к середине 1970-х гг. в годы руководства П. Е. Суетина (1976–1993) системные трансформации внутри «старого университета» кардинально изменили структуру научных исследований УрГУ. Быстрое развитие новых направлений – оптоэлектроники⁷ (Л. П. Зверев), химии твердого тела (В. М. Жуковский, А. Н. Петров), математической физики (Ю. А. Буевич), молекулярной физики (С. Ф. Борисов) в купе с развитием исследований магнетизма (А. В. Дерягин) и астрономии (К. А. Бархатова) – привело к росту объемов научного финансирования, к резкому усилению вузовско-академической интеграции на новых началах и к формированию в структуре УрГУ специализированного НИИ физики и прикладной математики, интегрировавшего исследования в сфере естественных наук принципиально новым образом.

Анохина И. А. История кафедры неорганической химии // История УрФУ, рассказанная аспирантами : сб. ст. аспирантов по истории УрФУ к 100-летию университета. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 43–67.

Блажес В. В. У истоков. К 60-летию филологического факультета Уральского государственного университета // Изв. Урал. гос. ун-та. 2000. № 17. С. 5–23.

Бугров К. Д., Сафронов А. А. Уральский федеральный университет: 100 лет истории. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020.

Бугров К. Д. Химическая наука в Свердловске 1920–1950-х гг.: формирование основных тематических направлений и школ // Урал. ист. вестник. 2021. № 4 (73). С. 164–172.

Вишников А. А. Есафов Вячеслав Ионович (1902–1981) // Изв. Урал. гос. ун-та. 2002. № 23. С. 178–182.

Вишников С. А., Суворова А. И. Уральская школа физикохимии полимеров // Изв. Урал. гос. ун-та. 2005. № 37. С. 82–86.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. Р-2110. Уральский государственный университет им. А. М. Горького Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, г. Свердловск

Ф. Р-227. Уральский Ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт им. С. М. Кирова Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, г. Свердловск.

⁷ Л. П. Звереву и его коллегам по данному направлению удалось установить прочные связи с промышленностью, приступить к разработке наукоемких приборов [Бугров, Сафронов, 2020, с. 92]. Во многом благодаря стараниям Л. П. Зверева в 1980-х гг. показатели УрГУ по объемам научной работы резко выросли, приблизившись к аналогичным показателям флагмана уральской высшей школы – УПИ.

Гузненко З. И. Развитие высшего образования на Урале в послевоенный период (1946–1950-е гг.) // *Вопр. всеоб. истории.* 2015. № 17(1). С. 51–58.

Давыдов И. К. А. Бархатова. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985.

Кокин А. А., Пушкина Л. Н. Кто он, Георгий Викторович Скроцкий? // *Физико-Техник.* URL: http://new.fizikotekhnika.ru/FizikoTehnik_Narod/FizikoTehnik_MemKaaSc.htm (дата обращения: 02.08.2022).

Колосова Е. Н. Василий Иванович Пагрушев: известный и неизвестный. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008.

Мазур Л. Н. Два пути Уральского университета: классический университет или политехнический институт? // *Документальное наследие и историческая наука : материалы Урал. ист.-арх. форума, посв. 50-летию историко-архивной специальности в Урал. ун-те (Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г.).* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 740–752.

Покровский М. П., Грабежнев А. И. Павел Владимирович Покровский (1912–1979) // *Воспоминания об ученых института геологии и геохимии.* Екатеринбург: ИГГ УрО РАН, 2012. С. 97–108.

Седлецкий И. Д. Уральский университет // *Известия.* 1945. 15 марта.

Сперанский А. В. На войне как на войне... Свердловская область в 1941–1945 гг. Екатеринбург: Сократ, 2015.

Страхова И. П. Роман с продолжением // *Smash! ГБОУ школа № 1239.* 2018. № 114.

Уральский государственный университет. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980.

Черноухов А. В. Историческое отделение историко-филологического факультета Уральского университета. 1945–1956. Екатеринбург: Изд-во «ВОЛОТ», 2010.

Черноухов А. В. Становление исторического образования в Уральском государственном университете (1934–1941) // *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2009. С. 209–222.